

15 Кроме этих двух случаев слово *ῥοτίς* встречается только в "Пире" Платона. Не служит ли это подтверждением атрибуции?

16 Примечателен эпитет *ὑλοβόλιμος*, засвидетельствованный у Салфо - fr. 130, 2 Lobel - Page.

17 К н а у е р С. Die Epigramme des Asclepiades von Samos. Diss. Würzburg, Tübingen, 1935, N 24. - Кнауер ошибочно считает эту эпиграмму полностью асклепиадовской.

18 E p i g r a m m a t a. Greek inscriptions in verse from the beginning to Persian wars / By P. Friedländer and H. Hoffleit. Los Angeles, 1948, N 46, 104, 110, 130 (далее - номер эпиграммы, Friedl.).

19 Например, Габротонон в комедии Менандра "Третейский суд".

20 G u a r d u s c i М. Epigrafia Greca. Roma, 1967, vol. I, p. 127.

21 B e n n d o r f f О. De anthologiae Graecae epigrammaticae, quae ad artes spectant. Diss. Bona, 1862; C a r u z o s Ch. J. Περικαλλῆς ἔργα. - In: Epitymbion Ch. Tzuntas. Athen, 1941, p. 535-578.

22 G a b a t h u l e r М. Hellenistische Epigrammen auf Dichter. Diss. Kiel, 1962.

23 AP VII 256, 259 - псевдоэпитафии на могиле четырехсот эретрейцев, попавших в плен и увезенных персами в Сузы (см.: Геродот VI, 119).

Л.В. Павленко

К ВОПРОСУ О ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ТРАДИЦИИ В ДРАМАТУРГИИ МЕНАНДРА

Многочисленные исследования новонайденных комедий Менандра и его творчества в целом, предпринятые в последние двадцать

лет, в конечном счете не подвергают сомнению сделанное еще в начале века заключение Фр. Лео: "Хотя приемной матерью комедии Менандра была трагедия Еврипида, родной ее матерью оставалась все же комедия Аристофана".¹ Вместе с тем, признавая эти источники главными для формирования новой аттической комедии как качественно новой разновидности комического жанра, многие ученые сегодня совершенно справедливо замечают, что катализатором этого процесса был новаторский факт привнесения на афинскую сцену основных положений перипатетической этики.² Тем самым подтверждается выдающееся значение Менандра для трансформации сложившегося жанра, достигнутой благодаря индивидуализации и психологизации художественного образа на относительно узком фоне бытовой, семейной драмы.³

Все три лежащих в основе творчества Менандра пласта — фольклорные мотивы комедии Аристофана, характерология и драматическая техника Еврипида, философия Аристотеля и Теофраста — к настоящему времени исследованы всесторонне и, по существу, непротиворечиво; изучение же художественного метода Менандра на этой основе только начинается.

Общезвестно, что комедия Менандра не является непосредственным продолжением линии "древней" комедии, но опирается на комедию "среднюю", из которой она вышла и с которой какое-то время сосуществовала на афинских подмостках. Характер творчества современников и ближайших предшественников Менандра, насколько он поддается оценке по фрагментам их комедий или по плавтовским передаткам утраченных оригиналов, а также в сопоставлении поздних и ранних ("Щит" и "Дискол") комедий Менандра,⁴ обнаруживает изначальную и весьма радикальную тенденцию основателя "новой" комедии на серьезное содержание пьесы и глубоко исследование характеров основных персонажей. Возможно, именно этот новаторский метод Менандра стал причиной известной непопулярности его произведений у современников: отсутствие общечеловеческих, фарсовых элементов и основных мотивов средней комедии делали его пьесы слишком серьезными для комической сцены, требовали от рядового зрителя известного усилия

для постижения их проблематики и не были рассчитаны на откровенно развлекательный эффект. И не случайно в творчестве Менандра не нашла отражения мифологическая травестия как одна из разновидностей средней комедии: фрагменты единственной "подозрительной" по названию комедии ("Лже-Геракл") позволяют утверждать, что комическая обработка мифологических сюжетов не характерна для новой комедии вообще. Не находим мы мифологической травестики и в текстах сохранившихся комедий: обычные в пьесах Менандра божества-прологисты, не исключая и несколько "одомашненного" Пана в "Дисколе", не опираются на опозитивированную мифологическую традицию, а в драматургическом плане иногда заменяются реальным персонажем (юноша Мосхион в "Самийке").

Миф у Менандра чаще всего проявляется как заимствование отдельного сюжета из хорошо известного зрителю драматического произведения. Чаще всего Менандр "цитирует" Еврипида, и проблема менандровских заимствований у Еврипида за последние семьдесят лет разработана исчерпывающим образом: учтены практически все случаи заимствования отдельных мотивов и стихов, определена принадлежность всех перефразированных сентенций, исследована вся трагическая лексика. Если после первых значительных находок фрагментов комедий Менандра исследователи для мотивов подкинутых младенцев, совращенных девушек, узнаваний по предметам и для других толических элементов новой аттической комедии старались найти параллели в трагедии, то сегодня поиски такого рода уже не сулят прогресса в менандроведении, поскольку они не обязательно отражают факт заимствования такого рода материала у конкретного поэта. Обращаясь снова к использованию мифологических пассажей у Менандра, мы убеждаемся, что они должны быть связаны с многолетней театральной традицией, в разное время по-разному влиявшей на выработку ходячих представлений о тех или иных нравственных нормах. Примеры из мифологии и литературы являлись иллюстрацией к получению этического плана подобно пословицам и поговоркам (весьма многочисленным и у Менандра). К примеру, идея божественного воздаяния за добродетель у Менандра отражена в прологе Пана ("Дискол",

ст. 36-39); излагая историю Нелея и Пелия, раб Сириск уверен, что его собеседник "бывал в театре и знает ее" ("Третьейский суд", ст. 165-173); раб Онисим собирается прочесть старику Смикрину монолог из "Авги" (там же, ст. 766 сл.); Никерат в "Самиянке" не сомневается, что юноша Мосхион "слышал" об Эдипе, Терее или Фесте и их преступлениях (ст. 495 сл., ср. также ст. 589-596 из "Самиянки", ст. 149 сл. из "Третьейского суда", ст. 262 сл. из "Сизионца"). В комедии "Щит" раб дав обрушивает на старика Смикрина поток цитат из трагедий Эсхила, Еврипида, Харемона, Каркина-младшего, мимоходом оценивает их меткость и верность жизненным ситуациям, припоминает имена авторов (ст. 415-447). Функция используемых в комедиях Менандра цитат из трагиков или же близких к ним по смыслу и духу высказываний не всегда объясняется желанием поэта усилить серьезность того или иного пассажа, как полагают, например, К.Олива,⁵ гораздо чаще такое цитирование ориентировано на создание чисто комического эффекта: едва ли случайно такого рода сентенции произносятся в новой комедии раба - и чаще всего в несоответствующих духу цитаты ситуациях. Комический эффект такого приема очевиден в сцене из "Самиянки", когда старик Демей, пытаясь остановить убегающего раба и справиться с собственным волнением, пользуется неоднократно встречающейся у Еврипида фразой ("Медья", ст. 771; "Ион", ст. 1571; "Ифигения в Тавриде", ст. 1014; "Ипполит", ст. 34; "Орест", ст. 322):

Куда? Куда? Лови его! Стой, каторжники!
 О град Кекроповой страны, о ты, эфир
 Безгранный, о ... Демей, ты чего вопишь?!
 Чего вопишь, дурак? Крепись, сдержи себя!

(ст. 324-327, пер. Г.Ф. Церетели)

Не менее характерен другой пример из "Самиянки": узнав о том, что юноша Мосхион якобы повинен в инцесте с Хрисидой, старик Никерат с ироничной долей насмешки советует Демее "внесть во гнев Аминтора и оселенить преступника" (ст. 498 сл.); вскоре Демей получает возможность отплатить Никерату той же монетой:

когда он узнал, что дочь Никерата родила ребенка от Мосхиона, Никерат получает такое объяснение случившегося:

От трагических поэтов ты слышал ведь, Никерат,
 Как Зевес под видом злата через крышу в дом проник
 И затворницу девицу на любовь с собой склонил?

И далее:

Д е м е я: Не течет ли в доме крыша?

Н и к е р а т: Да льет всюду! ..

Д е м е я: Ты не хуже, чем Акрисий, - ну, несколько! Ес-
 ли к Зевсу / Дочь его почтил любовью, то твою...
 (ст. 247 сл., пер. Г.Ф. Церетели)

Здесь уместно говорить не о сознательном усилении серьезности или пафоса сцены, но о явлении противоположного свойства - пародировании трагедии, пусть в отдельных случаях преследуемом только чисто комическими целями и не имеющем аристофановской остроты. Комический паратрагический характер, совершенно очевидно, имеет и уже приведенная сцена цитирования трагических поэтов в комедии "Щит": раб Дав, выполняя собственный план "разыграть другую трагедию" (ст. 330), пытается убедить старика Смикрина в смертельном характере мнимой болезни его брата Харестрата. При этом Дав выполняет сразу функции комического "бегущего раба" и трагического "вестника", трагические цитаты о неожиданных бедствиях смешиваются с криками ничего не понимающего Смикрина. Наиболее наглядным примером может быть смешенные стили в ст. 412-413 - дав промансцит сентенцию из "Ниобы" Эсхила

θεός μὲν αἰτίαν φύει βροτοῖς,
 βίαν κἀμῖσαι ὀβία κατὰθήσῃ θεῆν

'Бог-то сотворит людям повод,

Когда захочет совершенно погубить семью',
 пытается дать ей свою оценку: ἀσχηλός ὁ σερνός 'Почтен-
 ный Эсхил ...', но Смикрин заглушает конец его реплики: γυν-
 μολοῦσῃς τρισβόλις 'что с чужих слов болтаешь, треклятый?'

Другой пример - давно частично известная и теперь подтвержденная новыми папирусными находками⁶ начальная сцена из комедии Менандра "Ненавистный", представляющая собой монолог воина Фрасонида, а затем его разговор с рабом Гетой (ст. А1 - А16). Неиздаваемый влюбленный обращается к Ночи с жалобами на то, что девушка разлюбила его, и верный раб уговаривает господина войти в дом; как отметил и В.Н. Ярхо,⁷ эта сцена ориентирована на трагические образцы (Эсхил, "Прометей Прикованный", ст. 88; Еврипид, "Ифигения в Авлиде", ст. I слд., "Электра", ст. 54, "Медя", ст. 37), чтобы усилить пафос речи воина. Однако аналогии к этому месту обнаруживаются и у комедиографов (Аристофан, "Фесмофоризасы", ст. 1065; фрагмент неизвестной комедии из Антинопольского папируса № 15; фр. 79 комедии Филемона по изд. Т. Кока; Плавт, "Псевдол", ст. I слд., пролог его же комедии "Купец" и, наконец, фр. XII из "Левкадии" Турпилия по изд. Л. Рыхлевской). В том же "Купце" Плавт устами прологиста недвусмысленно выражает свое отношение к этому драматическому топосу (ст. 3 слд.): "Я сделал это не так, как обычно делает в комедиях: не буду поворачивать свое горе Дню или Ночи, Солнцу или Луне; это, мне кажется, не выражает печали, желанья или волнения человека". Критика мотива здесь, таким образом, налицо, остается лишь гадать, принадлежит она Плавту или содержалась уже в греческом оригинале его комедии. Случаи критики античными комедиографами мотивов и топиков их жанра изучены еще А. Тирфельдером.⁸ Из нового материала можно прибавить к ним любопытный пассаж из комедии Менандра "Щит": нанятый повар, приглашенный для приготовления свадебного пира из-за несчастья в семье получает отказ и жалуется (ст. 216-219): "Вот так всегда! Лишь только я куда наймусь, так либо в доме кто-то вдруг померет, или девица приведет ребеночка нежданно-нежданно ... Тут, конечно, отменяют пир, меня же - со двора долгой!" Важно отметить при этом, что такого рода критика мотива у Менандра не декларативна, но подтверждается его драматической практикой: в ряде ставших недавно известными комедий последовательно устраняется паразит как исполнитель плана инт-

риги, все реже появляется раб-интриган и все менее успешно он действует, от пьесы к пьесе превращаясь в столь бестолкового и бездеятельного персонажа, каков Парменон в "Самиянке". У Менандра гораздо реже, чем принято было считать, встречаем соращение девушек, подкидывание внебрачных детей, соперничество отца и сына; существенно меняется трактовка воина-наемника - его образ от скорого на необдуманные поступки Полемона из "Отрезанной косы" или солгавшего из хвастовства Фрасонида из "Ненавистного" видоизменяется до вполне положительных Страфоана из "Сикионца" и Клеострата из "Щита". Традиционный повар средней комедии - вор и бахвал - в некоторых комедиях Менандра лишен не только роли, но и "речей" (см. сохранившиеся части комедии "Ненавистный").

С учетом всего вышеизложенного приходится признать справедливость давно сделанного наблюдения А. Тирфельдера, что "в комедиях Менандра отчетливо просматривается ирония по отношению к бывшим некогда обязательными штампа";⁹ в последнее время исследование роли пародии, пародической стилизации как выражение иронического подхода к объекту изображения в различных жанрах античной литературы (и драмы - в особенности) предпринимается все чаще и чаще; в отношении же творчества Менандра это направление исследований представляется особенно перспективным. Недавно обнаруженные пьесы Менандра открывают самые неожиданные стороны его дарования, в силу своей нетрафаретности позволяющие нетрадиционно решать многие вопросы теоретического и текстологического характера, и весьма убедительным примером такого решения можно считать статью В.Н. Ярхо о "Самиянке" Менандра.¹⁰

Проблема же критики традиционных мотивов с помощью пародирования их, что мы обнаруживаем у Менандра, особенно важна для выяснения природы его новаторства и особенностей его художественного метода. Для нашего времени весьма характерно усиление интереса литературоведов к проблеме пародии, выраженное не только появлением новых работ, но и переизданием старых. И хотя в этих работах дается подчас противоречивые трактовки самого термина, не всегда учитывается особая природа пародии

античной (на это особо указывала и О.М. Фрейдберг), некоторые выводы можно признать бесспорными; один из них процитируем достаточно полно: "Пародия существует постольку, поскольку сквозь произведение просвечивает второй план, пародируемый; чем уже, определеннее, органичнее этот второй план, чем более все детали произведения носят двойной оттенок, воспринимаются под двойным углом, тем сильнее пародийность. Если второй план расплывается до общего понятия "стиль", пародия делается одним из элементов диалектической смены школ".¹¹ Это суждение Ю.Н. Тынянова поддерживает и А. Морозов, по некоторым аспектам проблемы с ним полемизирующий: "Стремясь к разрушению одной эстетической концепции, дискредитации ее художественных средств и стиля, пародия служит средством самоутверждения других эстетических принципов. Пародист стремится лишить эстетической ценности неприемлемое для него литературное произведение, за которым скрывается обычно целое направление".¹² Несколько уменьшив масштаб изучаемых явлений, эти выводы можно применить к мотивам и толике, заимствуемым Менандром у Еврипида, и приведенные выше примеры менандровских заимствований у трагиков обнаруживают их по преимуществу пародийный (пара-трагический) характер.

Теоретики пародии обращают внимание на то, что второй план, т.е. пародируемый оригинал, должен легко узнаваться читателем; будем иметь в виду, что, пародируя предшествующие ступени развития комического жанра, Менандр едва ли мог использовать в качестве второго плана древнюю аттическую комедию — зрителям, его современникам, она была уже известна лишь в самых общих чертах, что исключает возможности восприятия пародии. Наиболее вероятный объект пародии у Менандра — средняя комедия в ее семейно-бытовой разновидности, и это выдвигает задачу более тщательного изучения корпуса фрагментов средней комедии, нового прочтения античных свидетельств о комедии, изучения особенностей драмы эллинистического периода. Эта задача — предмет особого исследования, но предварительно можно с нарядной долей убежденности принять вывод о том, что отноше-

ние Менандра к средней комедии, предшествующей новой, вполне согласуется с тыняновским представлением о преемственности в истории литературных жанров: "Когда говорят о "литературной традиции" или "преемственности", обычно представляют некую прямую линию, соединяющую младшего представителя ветви со старшим. Между тем дело много сложнее. Нет продолжения прямой линии, есть скорее отправление, отталкивание от известной точки — борьба".¹³

Примечания

¹ Leo F. Der neue Menander. — Hermes, 1908, Bd. 43, S. 165.

² Gaiser K. Menander und die Peripatos. — Antike und Abendland, 1967, Bd. 13, S. 8-40; Webster Th.B.L. Studies in later Greek comedy. 2nd ed. Manchester; New York, 1970, p. 194 sqq.

³ Ярхо В.Н. У истоков европейской комедии. М., 1979, с. 167 сл.

⁴ Павленко Л.В. Комедия Менандра "Щит". — Вестник древней истории, 1975, № 4, с. 89 сл.

⁵ Oлива С. La parodia e la critica litteraria nella commedia postaristofanea. — Dioniso, 1968, vol. 42, p. 25-92.

⁶ Menandri reliquiae selectae / Reconsuit F.H. Sandbach. Oxford, 1976, p. 180-181.

⁷ Ярхо В.Н. Комедия Менандра "Ненавистный". — Вестник древней истории, 1979, № 2, с. 33.

⁸ Thierfelder A. Die Motive der griechischen Komödie im Bewußtsein ihrer Dichter. — Hermes, 1936, Bd. 71, S. 320.

⁹ Ibid., S. 327.

¹⁰ Ярхо В.Н. "Самиянка" Менандра или Еврипид названку? — Вестник древней истории, 1977, № 3, с. 35-52.

- 11 Тынъянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь. - В кн.: Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 212.
- 12 Морозов А.А. Пародия как литературный жанр (к теории пародии). Русская литература, 1960, № 1, с. 70.
- 13 Тынъянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь, с. 198.

В.Н. Нрхо

О ЗАБВЕНИИ ТРАДИЦИЙ И ГОРЬКИХ ПЛОДАХ НОВАТОРСТВА

В истории современного менадроведения блестящая пора находок датируется обнаружением так называемого Каирского кодекса в первом десятилетии XX в. Благодаря ему исследователи впервые получили возможность от отдельных, разрозненных строк великого афинского комедиографа перейти к изучению целых сцен и даже актов пяти драм различной степени сохранности. Радость этого открытия в полной мере разделили также русские ученые и в числе первых, откликнувшихся на публикацию кодекса, был И.И. Толстой.¹ до конца своих дней пронес И.И. Толстой любовь к Менандру, но сообщение о появлении единственной полностью сохранившейся комедии "Брызга" уже не застало его в живых, не стал он счастливым свидетелем и всех последующих публикаций, вместе с которыми из многовекового забвения был вновь возвращен тот, кого древние справедливо нарекли звездой новой комедии.²

Исчезновение наследия Менандра подготавливалось исподволь в течение почти всего первого тысячелетия н.э. За это время с пренебрежением к подлинным традициям античной комедиографии к Менандру обращались как к источнику кратких стихотворных цитат-назиданий на всевозможные случаи жизни. Подобная деятельность также была инновацией для современников, но свидетельствовала она о том, как усилиями составителей всякого рода антологий и сборников сентенций выходило новатор-